

леведению, но и явно подчеркнули облагораживающую роль земледелия в жизни античного общества.

Продолжает эту традицию раннехристианская философия, дополняя ее проблемой сохранения окружающей природной среды, что особенно характерно для Августина.

Любопытно, что европейское средневековье – наиболее благополучная эпоха жизни Европы, по обстоятельно обоснованному взгляду французского историка Броделя.

Думается, что неспешное и эффективное сельское хозяйство тому причиной, разумеется, в определенных временных рамках, очерченных кульминационным периодом феодализма.

В средневековье щадили природу и подкрепляли это строгим запретом грубо вмешиваться во все созданное богом. Хотя это сдерживало экспериментальное естествознание, но своеобразно защищало мир природы от человеческого хищничества, поощряло людей считаться с объективной самобытностью природы.

В эпоху Возрождения в условиях слома диктатуры религии и церкви были устранены запреты и установления. Разумеется, это прежде всего способствовало бурному развитию экспериментального естествознания, но вместе с тем освободило человека от ответственности и проложило путь хищническому отношению к природе, к земле. Природа постепенно начала превращаться в полигон самых безумных экспериментов человека. Знание, техника на нем основанная, стали силой, что пророчески провозгласил Ф. Бэкон. Со временем люди перестали считаться с природой, а тем более – ждать от нее милостей, они все предпочитали отбирать грубой силой.

Из почитателя храма природы, работника в природе – мастерской человек превратился в насильника и грабителя, воюющего с природой.

В битве с природой человек постепенно утрачивал богатство своей сущности, выхолащивался духовно, становился примитивнее, отрываясь от взрастившей его почвы.

Сейчас пришло осознание бесперспективности поединка с природой, с ней нужно жить в мире и хотя бы сохранить оставшееся. Необходимо вернуться к корням, истокам, почве, припасть к ним, дабы почерпнуть силы нравственные, прекратить оскудение.

Это не означает поспешно бежать в ближайшие поля, сады, оставить города и переселиться в деревни. То, что реально и приемлемо, состоит в возвращении земле уважения и заботы о ней, в возрождении достойного отношения к земледельческому труду и престижу земледельца, в предотвращении гибели деревни, в ограничении всевластия техники и придании ей статуса средства и только средства.

Человек должен оставить след на земле не в виде рытвины, выжженного места, отравленного водоема, погубленного леса, а посадить, например, хотя бы одно дерево или защитить его от уничтожения.

Когда Мартина Лютера спросили, что он будет делать, если узнает, что завтра конец света, он без долгих раздумий ответил: «Я бы посадил у себя в саду дерево». Мысль, которой стоит последовать.

Кабачевская К.В.

ВОЛНОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ «ЗЕЛеной РЕВОЛЮЦИИ»

Цель предлагаемой статьи – рассмотреть «зеленую революцию» как волновой процесс. Выявить волновую составляющую процесса «зеленой революции».

Актуальность данной работы заключается в том, что в современном мире проблема перенаселения вызывает другую проблему – проблему нехватки продовольствия. Еще в 1992 году 160 крупнейших ученых из разных стран мира, лауреатов Нобелевской премии, обратились к международному сообществу с меморандумом "Ученые предупреждают человечество". По оценкам этих экспертов, в предстоящие десятилетия проблема нехватки продовольствия станет одной из основных глобальных проблем.

Э. Тоффлер отмечает, что «самые насущные проблемы мира – продовольствие, энергия, контроль вооружений, численность населения, бедность, природные ресурсы ...». [2, с. 45] По оценкам экспертов ООН в области народонаселения, к 2050 году численность населения Земли может достигнуть 9–10 млрд. человек. В результате к середине XXI века во всем мире от 1,6 до 5,5 млрд. человек (по пессимистичному прогнозу) будут проживать в странах, где не выполняется норматив минимальной обеспеченности обрабатываемыми сельскохозяйственными землями – 0,07 га пахотной земли на душу населения.

В рамках данной проблематики на современном постсоветском пространстве начинается поиск эффективной экономической политики. Опыт обращения к западным моделям оказался не очень удачным. Поэтому взоры многих исследователей и политиков обращаются на Восток. Ведь там существует потрясающий феномен новых индустриальных стран (НИС).

Актуальность данной работы заключается еще и в том, что процесс «зеленой революции» не закончился в 70–х годах XX века. В рамках концепции волнового развития мы можем проследить переход так называемой «зеленой революции» на новый уровень, на новую волну своего развития.

«Вплоть до настоящего времени человечество пережило две огромных волны перемен, и каждая из них, в основном, уничтожала более ранние культуры или цивилизации и замещала их таким образом жизни, который был непостижим для людей, живших ранее. Первая волна перемен – сельскохозяйственная революция – потребовала тысячелетий, чтобы изжить саму себя. Вторая волна – рост промышленной цивилизации – заняла всего лишь 300 лет». [2, с. 32–33]. Собственно проявлением Второй волны индустриализации в ряде стран на Востоке и стала «зеленая революция».

Анализ литературы по «зеленой революции» выделяет несколько волн (этапов) в данном процессе. Новизна предлагаемой работы в том, что на данном этапе развития общества феномен «зеленой революции» впервые исследуется в рамках волновой концепции, хотя волновые характеристики явно прослеживаются в этом процессе.

Объективный барьер для решения проблемы перенаселения – ограниченность плодородных земельных ресурсов. На протяжении второй половины XX века площадь земель, пригодных для сельскохозяйственного производства, в мире практически не росла, несмотря на бурный научно –технический прогресс, который теоретически, казалось бы, позволяет рассчитывать на вовлечение в оборот тех почв, которые ранее считались непригодными для земледелия. Но нет, по усредненным оценкам, доля сельскохозяйственных земель в последней трети XX века выросла всего лишь с 33,1 до 35,7% всей суши, а доля пахотных земель – и того меньше, с 10,4 до чуть более 11%.

Согласно тем же экспертным оценкам, чтобы не превратить человеческую цивилизацию в «бойню за кусок хлеба», в перспективе ближайших десятилетий производство продуктов питания необходимо увеличить процентов на 75. Люди, живущие сельским трудом, должны работать еще более эффективно, значимость их труда возрастет, а его плоды должны обеспечивать потребности все большего числа земель.

Но как этого добиться, если даже сегодня проблема голода остается одной из важнейших мировых проблем? По данным все той же ООН, в период с 1999 по 2005 год более 850 миллионов людей во всем мире голодали.

Вторая мировая война нанесла удар по колониальной системе. Но, получив свободу, бывшие колонии столкнулись с проблемами такого уровня сложности, что разрешить их не смогли в полной мере до сих пор.

Едва освободившись от колониального и зависимого прошлого, молодые государства попали в среду развивающейся глобализации с ее высокими требованиями к международному разделению труда, развитию глобальных финансовых и товарных рынков, с ее тенденциями к либерализации международных экономических отношений (при несомненном господстве стран «золотого миллиарда»), наконец, с повышенным вниманием к постиндустриальным технологиям и научно-техническому прогрессу. Ничего этого по определению не могло быть в развивающихся странах освобожденного Востока. Страны Востока были обречены на вековое отставание от Запада. Разрыв между богатыми странами – бывшими метрополиями и бедными – бывшими колониями не только не сокращается, а еще более увеличивается даже в наши дни.

Первые попытки разрешения этих проблем были предприняты еще в 1960-е годы. Тогда в мире началась так называемая зеленая революция. Ее суть заключалась в разработке новых массовых технологических методов ведения сельского хозяйства, повышении производительности сельского труда и урожайности выращиваемых культур, химизации сельского хозяйства, использовании новых видов техники, новых сортов пшеницы и других культур, проведении политики повышения плодородия почв.

«Зеленая революция» есть становление в сельском хозяйстве развивающейся экономики принципиально новой, индустриальной системы производительных сил (приходящей на смену прежней, доиндустриальной их системе) и образование соответствующих форм их социальной организации [1, с. 73]. Родившаяся в 40-х годах в Мексике, «Зеленая революция» во второй половине 60-х годов перекинулась на азиатский регион: к началу 70-х годов зона ее распространения охватывала 10 –15% территории развивающихся стран Азии.

На протяжении семи десятилетий XX века рост производства в ныне независимых странах Азии происходил главным образом в результате расширения обрабатываемых площадей. Но теперь эти резервы в значительной степени исчерпаны. Эпоха 70-х годов поставила перед развивающимися странами острейшую задачу – максимально быстро заменить традиционные, изжившие себя системы земледелия системами, опирающимися на современные техническую базу и методы агрикультуры [1, с. 74].

Проблема в том, что развивающиеся страны нуждаются не только в резком увеличении общественной производительности труда в сельском хозяйстве, но и в решительном повышении продуктивности земли и возрастании на этой основе общего подъема производства.

На достижение этих целей и направлена разработанная в середине 60-х годов новая сельскохозяйственная стратегия. Ее практическое внедрение было значительно облегчено таким достижением научно –технической революции, как выведение высокоурожайных сортов продовольственных культур, прижившихся на азиатской почве.

В результате в странах, переживающих «зеленую революцию», заметно увеличилась средняя урожайность основных зерновых культур.

В афро-азиатских странах «Зеленая революция» не была естественным результатом предшествующей социально-экономической эволюции деревни. Она родилась как отрицание всех общественных форм, опирающихся на традиционный технический базис, явилась «индустриальным всплеском», вызванным складыванием в центрах мирового технического прогресса новой системы производительных сил – производительных сил эпохи научно –технической революции». [1, с. 80 –81] Таким образом, благодаря «Зеленой революции» в сельском хозяйстве развивающихся стран происходит существенный качественный сдвиг, который начинает постепенно переходить в зрелую, индустриальную стадию развития. Так, «зеленая революция» явно демонстрирует свою волновую составляющую. Причем, волна понимается здесь не как простая синусоида, а как резкий большой качественный скачок в виде волны «цунами». Примеры таких волн описывает Э. Тоффлер в своей работе «Третья волна». Волны – «цунами» имеют глобальный масштаб и качественно преобразуют окружающий мир. По мнению Э. Тоффлера, социальные волны имеют революционный характер. Но в отличие от «формулы К. Маркса: революции – это локомотивы истории» [2, с.10], Тоффлер говорит «о технологических изменениях, которые вызревают медленно, эволюционно. Однако впоследствии они рожают глубинные потрясения. Чем скорее человечество осознает потребность в переходе к новой волне, тем меньше будет опасность насилия, диктата и других бед» [2, с. 11].

«Введение в земледельческую практику высокоурожайных сортов зерновых культур, вегетационный период которых составляет всего два-три месяца (по сравнению с четырьмя-пятью, характерными, например,

для традиционных сортов риса), создало принципиально новую ситуацию: сокращение времени производства обеспечило условия для значительного ускорения оборота капитала» [1, с. 82].

Процесс наступления индустриальной волны на азиатский регион носил *очаговую* форму развития. Ярким примером *очаговости*, островного, а не сплошного наступления является Иран: при государственной поддержке возникают острова индустриального прогресса среди моря отсталых традиционных хозяйств. Полистадийный характер индустриального капитала в сельском хозяйстве: индустриальная форма соседствует с той, которая еще не оторвалась от пуповины мелкотоварной, традиционной агрикультуры, с постепенным охватом всего региона. Здесь мы можем проследить смену аграрной волны (по Тоффлеру – Первой волны) – индустриальной волной (Второй волной). Тоффлер говорит о том, что «в самой сердцевине разрушения и распада мы можем обнаружить сейчас потрясающие свидетельства зарождения жизни» [2, с.23].

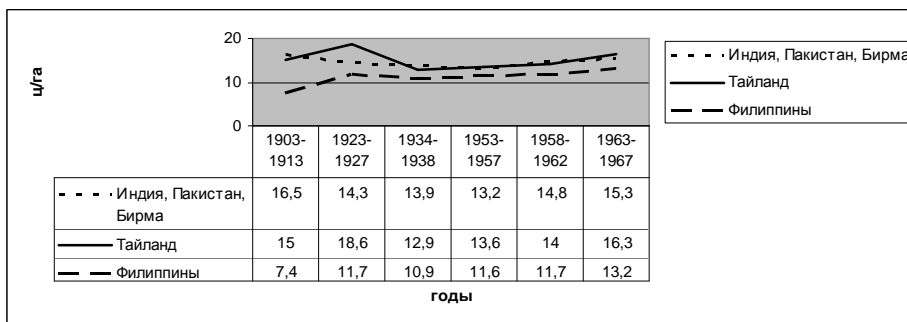

Рис.1. График данных урожайности риса с гектара земли (ц/га) при традиционном производстве. [1, с. 74.]

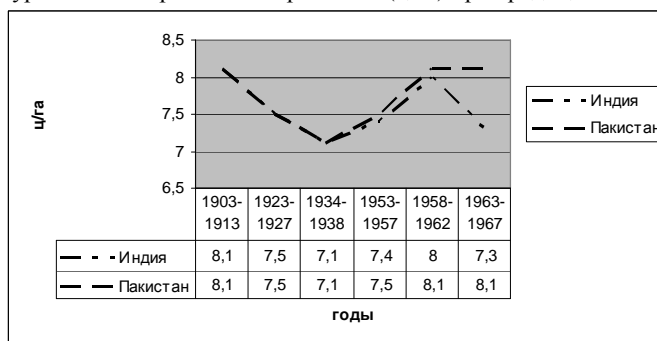

Рис.2. График данных урожайности пшеницы с гектара земли (ц/га) при традиционном производстве. [1, с. 74.]

Рис.3. График демонстрирующий волновой характер использования различных источников энергии по Индии в процентном соотношении. [1, с. 77]

Аналогично обстоят дела в Африке, Иране, на Ближнем Востоке.

Результаты зеленой революции:

Технический аспект:

- переход с экстенсивного земледелия, опирающегося на агрикультуру, на интенсивный способ производства;
- переход на высокоурожайные сорта продовольственных культур, прижившихся, соответственно, на азиатской, иранской, мексиканской почвах. Например, на низкорослые сорта пшеницы, вегетативный период которых 2 –3 месяца, а не 4 –5, как у традиционных культур;
- резкое увеличение вносимых минеральных удобрений (с 3,7 кг на 1 гектар до 40 –50 кг/га)

- переход площадей на орошаемое земледелие (с 19,9 % всех земель (в 1965/66 г.) до 25,1 % в 1975/76 г.); развитие крупных государственных ирригационных систем с широким использованием механических двигателей;
- изменение структуры энергетических источников в сельском хозяйстве в сторону машин (заметно выросло применение тракторов и других машин).

Суть социальных потрясений, вызываемых зеленой революцией: замена натуральных связей денежными, вытеснение внеэкономических форм подчинения экономическими, вытеснение лишнего населения, разорение большей части крестьянской массы методом торгово-ростовщического закабаления. Перекрывается доступ к земле беднейшему деревенскому населению. Правда, отмечается повышение культуры и образовательного уровня и наблюдается экономическое вознаграждение всех участников Зеленой революции.

«Однако эволюция этих эксплуататоров в крупных производителей современного типа – не плавный, автоматически нарастающий, а зигзагообразный, сопровождающийся попятными движениями процесс» [1, с. 83]. Подобные параллели подтверждают волновой характер процессов, называемых «зеленой революцией». «В середине 70-х годов эти процессы мы наблюдаем даже в некоторых наиболее развитых районах «зеленой революции» в Индии» [1, с. 83].

В результате потрясающие смены в сельском хозяйстве большей части земли (по Мексике). Тогда начатая правительством Мексики программа повышения производительности сельскохозяйственного производства позволила получить невероятные результаты. Страна превратилась из импортера в экспортера зерновых культур. В дальнейшем программа совершенствования сельскохозяйственного производства была расширена и включила в себя Индию и Пакистан, где удалось решить проблему голода примерно для миллиарда человек. Итогом «зеленой революции» стало улучшение продовольственной безопасности в Южной Америке, Юго – Восточной Азии, обширных районах Африки.

Данные по Мексике. Результаты Зеленой революции потрясающие. Например, по Мексике производство одной тонны зерна кукурузы в индустриальных центрах требует 7 –12 часов, в то время как традиционно на производство 1 тонны уходит 770–960 часов. Мексика стала экспортером пшеницы [1, глава 3, раздел 3].

Производство одной тонны зерна кукурузы в капиталистических центрах аграрной экономики требует 1 – 12 часов рабочего времени. Сравним: аграрная периферия требует на производство 1 тонны кукурузы 770 – 960 часов – столько, сколько требовалось в Южной и Юго-Восточной Азии на производство 1 тонны неочищенного риса до зеленой революции.

За два десятилетия (1950 –1970) производство пшеницы в Мексике выросло в 3,5 раза (с 0,6 млн. т. до 2,2 млн. т.), а средняя урожайность увеличилась с 9,4 ц/га до 29 ц/га. Страна стала экспортером пшеницы, причем этот прирост приходился на 3 % хозяйств Мексики. И это на фоне того, что в Мексике наблюдался рост без развития или при незавершенном развитии – модернизация экономического сектора не сопровождалась соответствующим ростом социальных и политических сфер жизни общества [1, с. 98 –99].

А ведь в целом революция протекала противоречиво, стадийно, шла первоначально локально, островно в море примитивной агрикультуры с сопротивлением массы крестьян, терявших остаточные гарантии существования, обеспечиваемые феодальными учреждениями.

Следует отметить противоречие «Зеленой волны», имеющее локальное противодействие сил аграрной примитивной культуры. Например, труд, высвобождаемый из системы традиционных связей с потерей у немущей массы остальных гарантий существования, обеспеченных старинными преодоленными учреждениями. Немущие цепляются за эти институты как за источник социальных гарантий, пытаются предотвратить их развал, который осуществляют лидеры зеленой революции. «Зеленая революция» 60-х годов, о которой много писали, в значительной степени подтвердила существование колоссальной ловушки для фермеров, живущих в мире Первой волны [2, с. 252].

Не решена задача ликвидации бедности и голода. «Зеленая революция» привела к большей, а не меньшей зависимости бедных от богатых» [2, с. 252] Развернувшаяся в 60-е годы XX века «зеленая революция», вызванная новой агрикультурой, технологией и селекционной работой, дала большой, но противоречивый результат. Начавшаяся в Мексике, где при поддержке Фонда Рокфеллера был создан Международный центр маиса и пшеницы, она быстро распространилась по многим азиатским странам и привела к удвоению производства злаков, бобовых культур и кукурузы. Но в результате оказалось, что «зеленая революция» потребовала крупных инвестиций, которых не осилили молодые государства. Плодами этой революции смогли воспользоваться только крупные собственники. Исключением составил Тайвань, где гоминьдановское правительство бросило на поддержку мелких хозяйств солдат своей многочисленной армии. Китайская Народная Республика направила большие инвестиции (до 10% бюджета) в систему водоснабжения полей – строительство каналов, дамб, дренажных систем. В результате Китай (как и Тайвань) достиг продовольственного самообеспечения, тогда как во многих других странах Азии (кроме Индии) в 70-е годы XX века «зеленая революция» фактически провалилась.

И, тем не менее, в бывших колониях и зависимых странах в 60 –70-е годы XX века стали выделяться группы государств, которые показывали чудеса экономического и даже социального прогресса. Это и есть так называемые **новые индустриальные страны**. К ним относятся: Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг, Малайзия, Индонезия, Таиланд и Филиппины в Юго–Восточной Азии, а также Мексика, Бразилия, Аргентина и Чили в Латинской Америке. В 70-е и 80-е годы они демонстрировали высокие темпы роста ВВП – от 5% до 10% в год. Правда, положение достаточно серьезно изменилось в 90-е годы, когда эти страны «накрыли» волны финансово-экономических кризисов, но, тем не менее, «тигры» и «драконы» новой генерации не потеряли своего уникального положения в группе развивающихся стран.

Как совершенно справедливо пишет академик Н. А. Симония относительно НИС ЮВА, «азиатская модель» выполнила свою историческую задачу «догоняющего развития» *в рамках индустриальной парадигмы* и выполнила ее успешно (потому и писали не одно десятилетие о «чуде»). Диалектика же вопроса заключается в том, что именно благодаря этому успеху эта парадигма исчерпала себя и требует замены на новую социально-экономическую модель, которая отвечала бы новой задаче – постиндустриального развития.

Таким образом, Вторая волна, дошедшая до развивающихся стран, проявила себя невиданным всплеском количественных показателей в сельском хозяйстве большинства стран, но постепенно стала сама себя исчерпывать, предоставив место арены для развития Третьей волны.

Но на сегодняшний день результаты "зеленой революции" не кажутся уже столь очевидными, ее эффект несколько выдохся. Так, согласно международным исследованиям, с 1950 по 1984 год рост урожайности зерновых культур действительно значительно превышал прирост численности населения земного шара. Зерновое производство в пересчете на душу населения за тот период выросло на треть – с 247 до 342 килограммов зерна в год. За этими цифрами стоит полный цикл волновой составляющей «зеленой революции».

Однако в последующие годы уже имела место обратная динамика. К концу 1990-х годов урожайность в пересчете на душу населения земного шара снизилась до уровня 317 килограммов в год. На этом этапе прослеживается кризисная точка волнового развития.

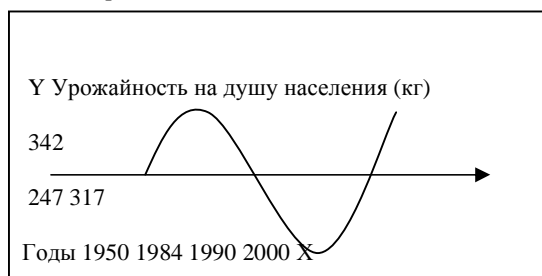

Рис. 4. График соотношения урожайности на душу населения за период «зеленой революции». Волна «зеленой революции». Данные взяты из [1].

Таким образом, рост численности людей в глобальном масштабе вновь начал существенно опережать возможности дальнейшего расширения общемировых объемов производства продовольствия. Еще более ярко эта диспропорция бросается в глаза на региональном уровне: мировые полюса наиболее высоких темпов демографического роста (Юго-Восточная Азия, Африка) не совпадают с полюсами увеличения производства продовольствия (Северная Америка, Европа, Океания).

На повестке дня теперь уже вторая волна "зеленой революции". Однако ее содержание и последствия вызывают гораздо больше вопросов, чем задавали в свое время тому же Борлоугу (отец «зеленой революции») в связи с химизацией аграрного производства, использованием пестицидов, тяжелой аграрной техники, угрозой эрозии почв.

Сутью новой волны "зеленой революции" и "бичом" XXI века становится применение в сельском хозяйстве **генных технологий**.

Сегодня трансгенные продукты сельского хозяйства выращиваются в промышленных масштабах или экспериментально в более чем 40 странах. «Генная инженерия нацелена на высокоурожайные культуры, устойчивые к вредителям, культуры которые хорошо растут и на песчаных, и на засоленных почвах» [2, с. 252]. За последние десять лет общая площадь земель, на которых выращиваются такие продукты, увеличилась, по некоторым оценкам, более чем в 30 раз. Перспектива успешного применения в сельском хозяйстве генных технологий открывает новые горизонты при решении продовольственных проблем, стоящих перед человечеством.

Не обошел своим вниманием проблемы Второй волны «зеленой революции» и Тоффлер в работе «Третья волна», понимая ее именно как волновой процесс. Он поддерживает современные разработки генной инженерии и, в частности, ее применение в сельском хозяйстве для увеличения мировых запасов продовольствия. Конечно же, «пока еще слишком рано с уверенностью говорить о том, как будет развиваться биотехнология. Но уже слишком поздно возвращаться к нулю. Мы не можем закрыть наши открытия». Перспективы развития биосельскохозяйственной революции – уменьшение зависимости от искусственных удобрений [2, с. 252] Единственное, к чему призывает автор, так это к умеренности и контролю по использованию наших знаний.

Но на современном этапе развитие генной инженерии в сельском хозяйстве становится все более и более извилистым и противоречивым. Появились растения, содержащие в себе гены, взятые не только из других растений, но и из рыб, насекомых.

И несмотря на то, что генно-модифицированная продукция способна решить множество проблем, дать больше продуктов, даже бороться с отдельными болезнями, потенциальная опасность подобных "рыбоовощей" для здоровья человека достаточно велика. Ведь никто толком так и не знает, чем "отзовется" через несколько лет или десятилетий в организме каждого из нас эта, с позволения сказать, "еда".

Не меньшие опасения связаны и с возможными последствиями использования генно-модифицированной продукции для окружающей среды. Многие исследователи считают, что использование продуктов с измененными характеристиками угрожает биологическому разнообразию видов, так как ГМ-растения в буквальном смысле лишают места под солнцем своих естественных собратьев.

В конечном счете нельзя исключать, что дальнейшее развитие генных технологий может превратить та-

кую продукцию даже в **управляемое биологическое оружие**. С учетом распространения в мире террористической угрозы перспектива разрешения противоречий XXI века подобным путем, не только открытого, но и скрытого применения биотехнологий, выглядит пугающей.

Литература

1. Зарубежный Восток и современность. Т. 2. – М.: Наука, 1980. – 319 с.
2. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: 1999. – 784 с.

Кизима В.В.

ДЕИДЕНТИФИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Современная ситуация такова, что позволяет говорить об антропологическом кризисе, по своему значению и последствиям потенциально превосходящим прочие, активно обсуждаемые сегодня в обществе – политические, финансовые, военные, религиозно – этнические, межнациональные, сырьевые, продовольственные, и даже «конвергенцию катастроф», к которой, как считает модный ныне в Европе автор Гийом Фай, движется современный мир [18]. Превосходит, поскольку касается их общего глубинного основания – человека. Данный кризис разразился во второй половине XX века и продолжается сегодня в новой форме, вследствие чего можно говорить о двух его этапах.

Первый этап наиболее отчетливо представлен в работах философа Герберта Маркузе, менеджера, главы филиала итальянской фирмы «Фиат» Аурелио Печчеи и американского журналиста Э. Тоффлера, что само по себе показательно. То, что кризис первоначально был зафиксирован не только специфическим философским языком Г. Маркузе «сверху» в связи с проблемой «одномерного человека», а и был прочувствован «снизу» представителями конкретных специальностей – экономистами, бизнесменами, математиками и др., собравшимися вокруг А. Печчеи в рамках Римского клуба, и выражен в ярких публицистических рассуждениях журналиста и футуролога Э. Тоффлера о футурошоке, с самого начала свидетельствовало о глубине и мощности надвигающихся антропологических проблем.

Начавшаяся как общая попытка осмыслить судьбы глобализирующегося человечества? работа упомянутого Римского клуба в виде в его многочисленных резонансных докладов постепенно привела к осознанию того, что главный источник мировых проблем связан с общим их центром – человеком. В своей последней работе [1977 г.] А. Печчеи писал, что «триумфальное развитие западной цивилизации неуклонно приближается к критическому рубежу» и отмечал, что нельзя без конца уповать на всякого рода общественные механизмы, на обновление и усовершенствование социальной организации общества, когда на карту поставлена судьба человечества как вида, поскольку не они определяют, в конечном счете, его судьбу, Печчеи пишет, что «истинная проблема человеческого вида в данной ситуации его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир» [11, с.43–44]. (курсив мой – К. В.). Иначе говоря, Печчеи прямо указывает на кризис, состоящий в том, что человек оказывается неспособным соответствовать тем изменениям, которые сам вызывает. Другими словами, уже к середине XX в. мы оказались в парадоксальной ситуации усиливающегося несоответствия нас той жизни, которую мы сами себе создаем. Отсюда естественным является дальнейший вывод Печчеи относительно преодоления данной ситуации: поскольку проблема «находится внутри, а не вне человеческого существа, взятого как на индивидуальном, так и на коллективном уровне», постольку и ее решение «должно исходить прежде всего и главным образом изнутри его самого» (курсив мой – К. В.). Что это означает, Печчеи не объяснил, сведя ответ к общим словам о необходимости изменения самого человека, о «революции в самом человеке», о развитии «человеческих качеств».

Та же мысль проводится в работах Э. Тоффлера. Его ранняя книга «Футурошок» (1970 г.) – бестселлер, который, как пишется в аннотации одного из последних его изданий на русском языке, представляет интерес для читателей «от домохозяйек до научных работников», вышедший на год позже первой работы Печчеи, начинается словами: «Эта книга о том, что происходит с людьми, испытавшими потрясение от перемен. О том, как мы приспосабливаемся к будущему или терпим в этом поражение» [15, с. 4]. Стремительный поток перемен, пишет Тоффлер, настолько силен сегодня, что «из –за него подрываются устои общества, меняются ценности, забываются корни». Проблема та же – человек не успевает адаптироваться к переменам, которые сам же создает. Рекомендации у Тоффлера менее радикальны, чем у Печчеи, но сходны по смыслу: «человеку необходимо быстро научиться контролировать темпы перемен, как в своей личной, так и в общественной жизни в целом, иначе большинство из нас утратит способность приспосабливаться». Тоффлер более метафоричен, чем глубок. Кризис человека он видит не в отношениях человека и общества, человека и природы, а в утрате адаптации человека к общественным изменениям и предостерегает, что внесение соответствующих перемен будет чревато существенными издержками. Последующие его работы, особенно «Третья волна», носят характер не столько ответа на антропологический вызов, сколько описывают новое супериндустриальное общество, где, как предполагается, проблемы могут быть сняты. Здесь, в отличие от первой работы, уже доказываемая необходимость определенных и достаточно быстрых перемен, без которых издержки могут оказаться не менее значимыми. Иначе говоря, картина дорисовывается не столько вглубь, сколько вширь, теоретический анализ подменяется футурологическими гипотезами. Но в общем случае, у А. Печчеи и Э. Тоффлера акцент делается на высокой динамике перемен и рисуется общее пространство антропологического кризиса. При этом следующие из этих важных, но неизбежно еще общих рассуждений выводы являются недостаточно технологичными для того, чтобы идти по пути каких –либо практических шагов.